

в Россию в 1743 году, тоже намечалось осуществить без вмешательства императрицы²⁷ (на этот раз — Елизаветы Петровны).

Из всего этого можно заключить, что больше всего беспокоили Кантемира именно сатиры.

С восшествием на престол Елизаветы Петровны Кантемир предпринимает новую попытку издать свои сатиры. Действуя на этот раз через М. Л. Воронцова, он в обращениях к нему опять подчеркивает свое намерение издать сатиры только в случае благоприятной резолюции государыни.²⁸

Такая настойчивость свидетельствовала о страстной заинтересованности Кантемира в издании сатир. Вместе с тем его действия в этом направлении, как видим, характеризовались крайней осторожностью и выдержкой, что было несомненно продиктовано сознанием особого значения того рода поэзии, служению которой Кантемир себя посвятил.

Все эти обстоятельства совершенно естественно объясняют нам конкретные мотивы, побудившие Кантемира написать специальную «Речь», обращенную к Анне Иоанновне. Замысел «Речи» нужно рассматривать именно в связи со стремлением Кантемира добиться благосклонного отношения императрицы к его намерению опубликовать сатиры. Никакой самодовлеющей цели сочинить панегирическое произведение в честь Анны Иоанновны у Кантемира не было.

Создание «Речи», таким образом, было продиктовано соображениями сугубо тактического характера и явилось одним из тех приемов, которые использовал Кантемир для защиты своего сатирического творчества от политических и литературных врагов.

Но именно тактическая установка «Речи», а также ее адресат определили возникновение главного, основного аспекта произведения, условно названного нами «объяснительным» или «защитным». Из данной выше характеристики конкретных обстоятельств сатирической деятельности Кантемира в 1731 году следует, что неблагоприятное отношение Анны Иоанновны к нему могло быть возбуждено не столько его сатирическим творчеством вообще, сколько исключительной его приверженностью к этому жанру и уклонением от создания хвалебных произведений в ее честь. Понимая, что именно этот вопрос является главным во взаимоотношениях его с императрицей, Кантемир смело ставит его в «Речи» и, нисколько не отступая от своих творческих принципов, но при этом неизбежно лавируя тактически, разрешает его.

²⁷ «Письмо Харитона Макентина», как известно, было напечатано вместе с упомянутыми выше 10 посланиями Горация только в 1744 году, после смерти Кантемира.

²⁸ См.: Архив кн. Воронцова, т. 1, М., 1870, стр. 357—365.